

Л-ская старшая школа, сокращённо — Л-ская старшая.

В учительской, расположенной на третьем этаже художественного корпуса, пятнадцатилетний подросток, встав на стул, тянулся к верхней полке шкафа за книгой. Он был худощавым, даже по сравнению со сверстниками, и, пытаясь достать книгу, нечаянно задел стоявший наверху тяжёлый ящик. Тот покачнувшись и рухнул вниз.

В ящике лежали толстые словари. Подросток инстинктивно дернулся в сторону, но забыл, что стоит на стуле, и, потеряв равновесие, полетел вниз. В тот момент, когда словари летели прямо на него, а сам он падал с высоты, на лице мальчишки мелькнул испуг, но тут же сменился хладнокровием.

— Осторожно!

В этот миг раздался тревожный окрик. Кто-то бросился вперед и крепко подхватил подростка, в последний момент уберегая его от удара тяжелыми книгами и вместе с ним повалившись на пол. Даже при падении этот человек подставил себя под удар, стараясь принять основной груз на себя и защитить мальчика.

Я так и знал, что с ним рядом мне ничего не грозит. Шу Юань подумал об этом с чувством облегчения, смешанного с виной и тайной радостью. Но все эти эмоции промелькнули лишь на мгновение. Он быстро взял себя в руки и серьезно сказал:

— Учитель, отпустите меня.

Человеком, спасшим Шу Юаня, был его учитель музыки, двадцатипятилетний Чжун Линси. Самому Шу Юаню было шестнадцать, он учился в одиннадцатом классе и выбрал своим направлением игру на гучине, мечтая поступить на профильный факультет Центральной музыкальной академии.

Услышав слова Шу Юаня, Чжун Линси поспешно разжал руки и с беспокойством спросил:

— Ты как? Не ушибся?

Шу Юань покачал головой. На самом деле, его просьба отпустить имела двойной смысл, но Чжун Линси этого не понял. Охваченный порывом, Шу Юань выпалил:

— Учитель, я больше... не буду сюда приходить.

Чжун Линси опешил:

— Почему? — Он поднялся на ноги, и его лицо омрачилось тревогой. — Твои родители снова

против того, чтобы ты занимался гуцином? Не бойся, я поговорю с ними.

Шу Юань покачал головой и посмотрел прямо в глаза Чжун Линси. В его темных зрачках невозможно было что-то прочесть, кроме непоколебимой решимости. Он тихо произнес:

— Первая встреча с тобой — словно возвращение старого друга.

Эта фраза прозвучала как удар грома, поразивший Чжун Линси. Его лицо застыло, движения сковало. Прошло немало времени, прежде чем он пришел в себя. На его лице отразились вина и боль, он слабо усмехнулся, глядя на себя с насмешкой, и ответил:

— Прости меня, Сяо Юань.

— Нет! — тут же отозвался Шу Юань, энергично мотнув головой. — Учитель, это я должен просить прощения. Я...

Чжун Линси смотрел на него. За почти два года общения он изучил своего ученика и знал: тот хочет что-то сказать, но просто сбит с толку и пока не может подобрать слова. Ему нужно время, чтобы выразить свои мысли. В такие моменты нельзя было его перебивать, иначе он потеряет нить рассуждения.

Как и ожидалось, немного помолчав, Шу Юань успокоился и продолжил:

— Учитель, вы были очень, очень добры ко мне. Я знаю, что вы не искали легких путей. Если бы вы просто хотели воспользоваться юным телом, вам достаточно было бы плести интриги. Я всего лишь школьник, как бы я мог вам противостоять? Но вы всегда относились ко мне с почтением и даже скрывали свои чувства. Я...

Шу Юань низко опустил голову, сжал кулаки и, глубоко вдохнув, закончил:

— Короче говоря, вы хороший человек, учитель. Это я перед вами виноват.

Виноват в том, что у меня больше нет права быть эгоистом.

Хотя мальчик смотрел в пол, Чжун Линси мог представить, насколько бледным было его лицо — пожалуй, даже бледнее, чем тогда, когда он решительно отстаивал перед родителями право заниматься искусством. Он предвидел такой исход и был к нему готов, хотя, когда это случилось внезапно, ему все равно было тяжело.

Шу Юань казался мягким и послушным, но если он что-то решал, то не отступал даже перед лицом смерти. К тому же, ошибка изначально была за ним — учителем, который позволил себе влюбиться в своего ученика того же пола, тем самым нарушив моральные и этические нормы.

Поэтому Чжун Линси снова слабо улыбнулся:

— Хорошо. Ты принял верное решение, я поддержу тебя.

Шу Юань знал: если он попросит, Чжун Линси обязательно согласится. Но как только он согласится, он больше не станет помогать ему, не будет проявлять заботу, и даже если они случайно встретятся, будут вести себя как чужие люди. Этого он и хотел, но почему-то в этот момент сердце Шу Юаня сжалось от боли, едва позволяя дышать.

Он встал, упаковал свой инструмент, надел чехол на спину и серьезно, с глубоким поклоном, обратился к Чжун Линси:

— Учитель, спасибо за всё, чему вы меня научили. Ваша доброта неизмерима, я буду помнить её всю жизнь.

— Ты перехваливаешь, — ответил Чжун Линси. — Я не заслуживаю такой благодарности.

Шу Юань развернулся и ушел, изо всех сил сдерживая слезы. Когда он уже закрывал дверь, Чжун Линси вдруг произнес:

— Шу Юань, не бросай гуцин.

Глаза Шу Юаня защипало.

— Учитель, я обещаю вам, что никогда, ни за что не брошу гуцин.

Чжун Линси не сказал до свидания, не сказал и Шу Юань. Он просто закрыл дверь кабинета и в одиночестве побрел вниз по лестнице.

Он до сих пор помнил день их первой встречи.

Тогда ему было пятнадцать, он только перешел в десятый класс и пребывал в полной растерянности относительно своего будущего с гуцином. На первом же уроке музыки Чжун Линси вошел в класс — в обычной рубашке и брюках, с болезненным видом, но глазами, полными мягкой улыбки. Окинув взглядом помещение, он задержал взор на неприметном Шу Юане, а затем поднялся на кафедру:

— Я слышал, в этом классе есть ученик, который играет на гуцине. Можно попросить его встать, чтобы мы могли познакомиться?

Голос учителя был чистым, с нотками веселья, в нем чувствовалась некая слабость, но при

этом — скрытая сила, проникающая прямо в душу. Когда он закончил, класс зашумел — кто-то изучает гуцин? Люди обычно учатся играть на фортепиано или скрипке, в крайнем случае на гучжэне или пипе, но о гучине никто не слышал. Однако от властности в его голосе гул сменился шепотками.

Шу Юань невольно поднялся, робея открыть рот. Чжун Линси улыбнулся, подбадривая его:

— Не нервничай. Представься, пожалуйста.

Шу Юань поднял голову и встретился с его взглядом — спокойным, нежным, сочетающим в себе строгость наставника и доброту. Сердце Шу Юаня мгновенно успокоилось.

— Меня... меня зовут Шу Юань. Шу — от слова «комфорт», Юань — «далекий».

Чжун Линси спросил:

— Как давно ты играешь на гучине?

Шу Юань честно ответил:

— Десять лет.

Класс снова загудел от изумления.

— Десять лет! Это что, с детского сада?

— Первый раз вижу того, кто играет на гучине, удивительно!

— Гуцин — это же так возвышенно. Интересно, какой он в общении? Выглядит таким застенчивым!

— Тише, — Чжун Линси слегка поднял руку, призывая к порядку. Если бы он не вмешался, лицо Шу Юаня наверняка стало бы пунцовым.

— Ты молодец, — Чжун Линси одобительно кивнул. — Не возражаешь сыграть со мной дуэтом?

Класс снова взорвался шумом. Шу Юань покраснел, боясь посмотреть по сторонам и не зная, что ответить. Чжун Линси мягко подбодрил его:

— Не волнуйся. Гудин требует спокойствия и невозмутимости. Давай, я захватил инструмент с собой.

Он открыл лежавший на кафедре кофр и вынул гудин.

Глаза Шу Юаня вспыхнули. Кедр, инкрустация «ледяные нити», узор «слива» — это был лучший инструмент, который он когда-либо видел.

Не в силах устоять перед искушением, Шу Юань невольно подошел к нему. Чжун Линси поставил гудин на столик, достал из футляра бамбуковую флейту сяо и улыбнулся:

— Ну как?

Шу Юань кивнул:

— Хорошо.

То исполнение стало самым незабываемым моментом в его пятнадцатилетней жизни. Такого единения душ он больше никогда ни с кем не ощущал. Шу Юань думал, что это лишь потому, что Чжун Линси достиг таких высот в классической музыке, что смог помочь ему, новичку, достичь состояния полного слияния с инструментом. Именно поэтому он попросил Чжун Линси стать его наставником.

— Почему? — удивленно спросил Чжун Линси.

Шу Юань не стал скрывать:

— Потому что хочу поступить на факультет гудина в Центральную музыкальную академию.

Чжун Линси рассмеялся и кивнул:

— Тогда тебе нужно прилежно учиться, не зарывай свой талант в землю.

Его улыбка, теплая и мягкая, как весенний ветер, ласкающий ивовые ветви, заставила сердце Шу Юаня забиться чаще. Тогда он еще не понимал, что что-то пошло не так. Пока однажды, от нечего делать, он не заглянул в тетрадь на столе Чжун Линси и не прочитал фразу:

«Первая встреча с тобою — словно возвращение старого друга».

Вот оно что. Шу Юань смутно догадывался, что именно поэтому они тогда сыграли ту пьесу.

С тех пор он начал замечать, что Чжун Линси относится к нему иначе. Он никогда не воспринимал его как младшего, скорее как равного, и даже ближе, чем равного. Потребовался год, чтобы Шу Юань окончательно понял: Чжун Линси влюблен в него.

В тот момент он почувствовал радость, но вскоре её поглотил страх.

Что делать с семьей? Родители придут в ярость. А что скажут другие? Ему плевать на косые взгляды — с тех пор, как он начал играть на гуцине, вокруг и так было полно сплетен. Но он не мог позволить своим родителям, людям традиционных взглядов, стать объектом насмешек. Он уже однажды причинил им боль, настояв на своем пути в искусстве. Если раскроется, что он гомосексуал...

К тому же, это не просто однополая связь, это связь учителя и ученика, к тому же он еще школьник. Если всё вскроется, на Чжун Линси обрушится гнев общества. У него такой талант, как он может быть погублен?

Поэтому единственный способ, который пришел в голову Шу Юаню — задушить всё в зародыше.

Да, это лучшее решение. Даже он сам признает, что поступил правильно, не так ли?

Шу Юань стоял на остановке в ожидании автобуса, сжимая лямки сумки. Сердце разрывалось от боли. Почему всё так? Он только узнал, что такое симпатия, еще не успел познать сладость любви, а она уже оставила шрамы на его душе.

Би-и-ип!

Громкий автомобильный сигнал заставил его вздрогнуть и очнуться от невеселых мыслей. Шу Юань поднял голову и увидел, как трех-четырёхлетний ребенок, пошатываясь, выходит на середину дороги, а прямо на него несется внедорожник!

— Осторожно! — не раздумывая, Шу Юань бросился вперед и изо всех сил толкнул малыша. В тот момент, когда ребенок покатился к обочине, внедорожник был уже рядом!

В голове Шу Юаня стало пусто. Он почувствовал удар машины в живот и осознал, что в следующее мгновение его отбросит прочь!

— Сяо Юань!

Вдруг чьи-то сильные руки крепко обхватили его и развернули.

Всё произошло слишком быстро. Шу Юань не успел даже подумать, лишь выдохнул:

— Учитель...

Как только он произнес это, резкая боль пронзила тело, и тьма поглотила его сознание.  
Последним, что осталось в памяти Шу Юаня об этом мире, был нежный, успокаивающий голос:

— Не бойся, я с тобой.

<http://bllate.org/book/22336/2340101>